

DOI: 10.15393/j9.art.2008.282

Е. А. Гаричева*

Великий Новгород

ДВИЖЕНИЕ К ПОКОЮ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Покой — один из основных мотивов лирики Я. П. Полонского. В семантическом ряду с этим понятием в стихотворениях поэта оказываются «тишь», «мир», «свет», «свобода» и в то же время «мрак», «тьма», «сырость», «могила».

Сама фамилия поэта начинается с буквы, которая называется «покой». Известно, что буквы славянского алфавита выражают ключевые понятия национального мирозерцания. Один из биографов поэта приводит воспоминания Полонского о том, как он в детстве постигал азбуку:

Для меня, шестилетнего ребенка, каждая буква была чем-то живым, выхваченным из жизни... «Покой» казался чем-то вроде ворот или дверки с перекладиной наверху¹.

В графических очертаниях буквы «покой» внимание маленького Полонского привлекала верхняя горизонтальная линия. Обращаясь к символической интерпретации глаголичной азбуки, Ф. Винке замечает:

Горизонтальная черта символизирует землю, если она проведена на строке, и небо, если она проведена над строкой. Вертикальная черта изображает движение или сверху вниз (с Неба на землю), или наоборот, с земли на Небо².

Таким образом, в структурных частях буквы славянского

письма уже подразумевается антиномичное движение.

* Гаричева Е. А., 2008

¹ *Бельский Л. Я. П.* Полонский. Тула, 1901. С. 3.

² *Винке Ф.* О происхождении и структуре глаголической азбуки // Литературная учеба. 1996. № 3. С. 121.

375

О покое как парадигмальном понятии для русской культуры размышлял в свое время В. А. Котельников. Обращаясь к Ветхому Завету и святоотеческой традиции, исследователь отмечал:

Премирный покой — любовное, «художественное» созерцание Богом бытия в его завершенности. Созидание мира — акт бытийственного оформления в материи, покой же — акт творчества в духе; из первого проистекает природная и историческая динамика, из второго — внутреннее движение к сверхприродному конечному совершенству. Вместе с тем покой — реальная область и состояние, где мир соприкасается и сливается с Богом³.

О начале веры как рождении во Христе размышлял святой Антоний Великий:

Как тело, пока в нем душа, проходит три возраста, именно: юность, мужество и старость, так же три возраста проходит душа, сокрытая в теле: начало веры, преуспевание в ней и совершенство. В первом, когда начинает душа веровать, она рождается во Христе, как говорится в Евангелии⁴.

Подобное состояние покоя передается в стихотворении Полонского «Ангел».

На первый взгляд, это воспоминание о безмятежной детской вере и о покое в Боге, который легко дается душе

ребенка, но бытовые детали в начале произведения приобретают символическое значение — «тихий свет лампы золотой», «благоговейное молчанье». В своей книге об иконописи Е. Н. Трубецкой подчеркивал, что «один только золотой, солнечный обозначает *центр* божественной жизни, а все прочие — ее окружение»⁵. Лампада у иконы с ее золотым свечением становится символом веры, молчание — условием, при котором снисходит божественная благодать:

Да молчит всякая плоть пред лицом Господа пред лицом Его (Аввакум, 2; 20).

Ангел является мальчику в «бледно-серебряном одеянии». На редких византийских и древнерусских иконах архангел изображался на серебряном фоне. Исследуя символику серебряного и белого цвета на древнерусских иконах, А. Н. Овчинников делает вывод:

³ Котельников В. А. «Покой» в религиозно-философском и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 4.

⁴ Святой Антоний Великий. Духовные наставления. М., 1998. С. 63.

⁵ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 251.

376

...Белый цвет (свет) чаще всего символизировал райский свет и всякое изображение на белом фоне... следует понимать как сопричастное раю⁶.

В гностическом Евангелии от Филиппа (III век, библиотека Наг-Хаммади) говорится о Божественном Свете как белом:

Душа и дух произошли от воды, огня и света... Огонь — это помазание, свет — это огонь. Я не говорю об этом огне, у которого нет формы, но об ином, форма которого бела, который

является светом прекрасным и который дает красоту.

И мнилось мне: на ложе, близ меня,
В сиянье трепетном лампадного огня,
В бледне-серебряном сидел он одеянье...
И тихо, шепотом я поверял ему
И мысли, детскому доступные уму,
И сердцу детскому доступные желанья.
Мне сладок был покой в его лучах;
Я весь проникнут был божественною силой.

Явившийся из невидимого мира ангел несет весть о
будущей печали, еще неведомой мальчику:

Но очи кроткие его глядели вдаль,
Они грядущее в душе моей читали,
И отражалась в них какая-то печаль...

Важную роль в этом стихотворении играет интонация. В «Заметках о Пушкине» Б. П. Гаспаров выделяет в черновиках поэта четыре модуса поэтической речи: эмоциональной экзальтации, возвышенной отстраненности, разговорной речи, или «болтовни», и ораторского слова. Под «модусом» он понимает «совокупность признаков мелодики и ритмики речи, служащих знаками эмоционального состояния говорящего и его взаимоотношения с тем или теми, к кому его речь обращена»⁷.

В стихотворении «Ангел» Полонского вначале звучит бесстрастно-ровная интонация повествования, которая не прерывается паузами, но вскоре она сменяется страстно-взволнованной речью, импульсивной и неровной, дробленной остановками в звучании, выраженными запятыми и двоеточием, переходящей в эмоциональный всплеск-ожидание:

⁶ Овчинников А. Н. Символика белого цвета: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.russia-hc.ru/rus/culture/simbel/simbel.cfm>

⁷ Гаспаров Б. П. Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 123.

И думал: // в эту ночь / хранитель-ангел мой / пройдет ли в тишине / беседовать со мной?.. — //

Завершение строки паузой-фермой, переданной через нанизывание нескольких знаков препинания подряд (вопросительный знак, многоточие, тире), создает наивысшую точку напряжения стихотворения. За вопросом следует не просто молчание — оно размыкается жестом тире и уводит в бесконечность. Ответом на вопрос ребенка становится явление ангела. Само видение передается ровным течением стиха, разбиваемым одной внутренней цезурой, но цезура исчезает в строках, передающих состояние покоя и отрешенности:

Мне сладок был покой в его лучах; // Я весь проникнут был божественною силой.

Ровность поэтического голоса в этом двустишии передает удивительную легкость, «невесомость» состояния души. Душа обретает покой в Боге и свободу, ее окрыляющую. Кульминационная строка стихотворения «Ангел» по ритмико-мелодическому рисунку напоминает строку из ежедневной вечерней молитвы:

Мне сладок был / покой / в его лучах — Мирен сон / и безмятежен / даруй ми.

Описание ангела завершается паузой-умолчанием,

которая передается через многоточие:

И отражалась в них какая-то печаль... //

Эта долгая пауза становится символом текста, невозможного для воплощения.

Стихотворение «Ангел» перекликается с другим, казалось бы, пейзажным стихотворением, где поэт изображает лилию. По мысли В. Н. Топорова, бытие раскрывается для нашего сознания только через метафору⁸. Е. В. Ермилова считает, что метафора у Полонского близка к символу, поскольку в ней содержится смысловая глубина, недоступная однозначному определению⁹. В Евангелии от Матфея лилия свидетельствует о творчестве Божественного Художника, который «одевает» земное в красоту:

И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; Но говорю вам,

⁸ *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток—Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 7.

⁹ *Ермилова Е. В.* «Самый трудный из наших поэтов» // Литературная учеба. 1979. № 6. С. 171—179.

378

что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! (Мф. 6:28—30)

В. В. Зеньковский в этих словах Евангелия видел реальность Промысла:

Создав мир, Бог им живет, входит в него, — и это относится к миру во всех его составных частях... Участие Бога в жизни

мира выражается в тех токах *благодати*, которые изливаются в мир. Это понятие благодати по своей широте обнимает как то благодатное воздействие Бога, которое сообщает миру жизнь, определяет творческую мощь твари, — так и те особые, т. е. вне «порядка», установленные от века Господом, действия, которые обнимаются понятием чуда... нам не дано «видеть» все, что благодатно устроено в своем вхождении в мир Господь, — мы только осознаем, как бы глухо, наличность «не явленных чудес»¹⁰.

В то же время в Евангелии образ лилии соотносится с Девой Марией и становится знаком ее чистоты и покорности воле Божией — этот цветок держал в руках архангел Гавриил, когда нес Благую Весть о Рождении Спасителя¹². Тему Благовещения в иконописи И. Е. Данилова определяет как «тему вхождения, внедрения в мир Слова как некоторой преобразующей этот мир силы или энергии»¹³.

Цветовая палитра этого стихотворения не отличается разнообразием: белый цвет лилии, лазурь небосвода и золотая пыль на цветке. Золото выделяется из этого ряда, поскольку оно «предметно», «вещественно». В стихотворении Полонского выстраивается цветовая или световая иерархия: золотой, белый, лазурный. А. Н. Овчинников отмечал, что в иконе «лазурь в своем абсолютном значении представляет небесную истину... и символ бессмертия»¹⁴.

Смена интонаций в этом стихотворении передает постепенно возрастающее экстатическое состояние души и затем

¹⁰ *Зеньковский В. В.* Основы христианской философии. М., 1992. С. 225.

¹² *Аверинцев С. С.* Гавриил // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.,

1991. Т. 1. С. 260.

¹³ Данилова И. Е. Соотношение слова и изображения в византийской живописи // Данилова И. Е. Искусство Средних веков и Возрождения. Работы разных лет. М., 1984: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.iconaantika.spb/ru/danilova.html>

¹⁴ Овчинников А. Н. Указ. соч.

379

обретение ею возвышенной бесстрастности, паузы здесь символичны. В первом предложении после запятой следует тире, которое словно отрывает от земли, устремляя душу в горный мир, — «и все в томительном покое». Многоточие после слов «в пятнах света тени спят в аллее» становится не умолчанием, а намеком на возможность движения в знойной тишине. Повтор запятой и тире после слов «поникла у балкона», «ждет грозы» вновь словно размыкает пространство и время. Движущаяся скачками речь вдруг становится плавной и ровной после слов «И грезится ей бедной». Безжизненная ровность и отрешенность от земного мира отличает строки, в которых передается пророческое видение:

Что далекой бури призрак бледный / Стал темнеть в лазури
небосклона... //

Произносительный модус кульминации стихотворения Полонского напоминает строку из «Песни Пресвятой Богородице»:

Что далекой / бури / призрак бледный — Яко Спаса / родила
еси / душ наших.

После паузы происходит слом интонации: умиление сменяется сожалением («Грезы лета кажутся ей былью, — // Гроз и бурь она еще не знает»). Поэтический голос в

последнем двустии трижды прерывается паузой, которая выражается многоточием после слов «ждет», «зовет», «золотой осыпанная пылью». Напряженное молчание передает импульс, которым вызывается человеческая душа из природного небытия, и одновременно ее готовность к движению и обретению подлинного покоя — в стяжании Святого Духа.

Входя в царство покоя Божия, человек в готовности исполнить волю Божию обретает свободу. Этот свободный выбор позволяет человеку вернуть целостность в духе. Высшей стадией вхождения в покой, по мысли преподобного Максима Исповедника, является соединение с Богом в любовном исступлении¹⁶. Подобный экстатический порыв показан в стихотворении Полонского «У храма». Движение души к Богу здесь передается как «волочение креста» «хилого и убогого странника». Толпа отбрасывает его к решетке, у которой он замирает, как «нищий-старик».

Духовная

¹⁶Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. М., 1993. С. 221.

380

нищета, жажда сопричастности божественному бытию открывает страннику Свет Христов. Озарение происходит, по свидетельству Евангелия от Иоанна, благодаря вере человека:

И говорит ему: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ин. 1:51).

Духовное восхождение происходит здесь по радости

смирения, как свидетельствовал Исаак Сирийский.

В стихотворении Полонского земной и небесный миры соединяет крест храма, вместо ангелов в свете, исходящем от креста, вьются птицы. Соединение миров показано здесь через багряный или пурпурный свет, которым горит крест на храме. Е. Н. Трубецкой писал об огненной вспышке храмовой архитектуры:

В этом всеобщем стремлении ко кресту все ищет пламени, все подражает его форме, все заостряется в постепенном восхождении. Но, только достигнув точки действительного соприкосновения двух миров, у подножия креста, этот огненный искание вспыхивает ярким пламенем и приобщается к золоту небес¹⁶.

Так же исследователь объясняет пурпурный цвет на иконе:

Фаворский свет, соприкасаясь с окружающим мраком, переходит не в синеву, а в пурпур¹⁷.

В иконописи «красный цвет обычно символизировал Небесную Действительность, Воскресение, Второе Пришествие»¹⁸.

Последняя часть стихотворения содержит символику Откровения Иоанна Богослова:

И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуйя! Ибо воцарился Господь Бог Вседержитель (Откр. 19:6).

Напоминание о Царствии Божием у Полонского передается через образ «вековых небес» и леса, символизирующего Древо жизни рая:

¹⁶ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 256.

¹⁷ Там же. С. 256.

¹⁸ Овчинников А. Н. Символика красного цвета: [Электронный ресурс]:
Режим доступа: <http://www.russia-hc.ru/rus/culture/simvkras.cfm>

Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами (Откр. 22:14).

Крест, на котором был распят Спаситель, становится Древом жизни. Так стихотворение Полонского становится отзвуком пасхального тропаря «Смертию смерть поправ».

Интонационно-мелодический рисунок всего этого стихотворения однообразен, он напоминает плеск волны о берег, только в последней (третьей) части в трех местах он нарушается и исчезает внутренняя цезура в трехстишиях:

Крест на храме сиял, // Он один затмевал // Сотни наших
лучей,

Над церковной главой // Вековечных небес // Расстилалася
высь,

...Перелетных лучей, // И невидимых крыл, // И неведомых
сил.

Безжизненная ровность и сверхъестественная легкость поэтического голоса в этих трехстишиях свидетельствует о царстве покоя Божия, в котором оказывается душа. Строки стихотворения Полонского содержательно и пневматологически напоминают Иисусову молитву:

Господи, Иисусе Христе, // Сыне Божий, // помилуй мя,
грешного.

Важна содержательная роль в этих строках тире (оно встречается дважды) и многоточия (один раз). Тире выражает тот «взмах крыльев, который поднимает душу над землей», по свидетельству В. С. Соловьева¹⁹, а многоточие является кульминацией, которая передает тишину покоя. Жизнь во Христе становится вхождением в духовный покой и неподвижностью в Боге. О подобном пути обретения покоя говорится в Евангелии от Матфея:

Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф. 11:29).

Но покой горний не противоречит покою дольному. В стихотворении «Дорога» жажда покоя показана Полонским как стремление обрести свое место в жизни и выполнить свое предназначение:

¹⁹ Соловьев В. С. Особенность творчества Полонского и музыкальность и живописность его произведений // Я. П. Полонский. Его жизнь и сочинения: Сб. историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. М., 1906. С. 289.

382

Вот крытый двор.
Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлю своей:
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Тире после слов «а я устал» выражает не взлет в горний мир, а жест обращения в мир дольный — словно человек оглядывается вокруг себя в поисках земного пути.

Рассматривая, как воплощается подобное понимание покоя в русской литературе XIX—XX веков, у Полонского

В. А. Котельников отмечал лишь ночную и мрачную тональность сюжета покоя в стихотворении «Сны»²⁰. Между тем это произведение строится как пародия на стереотипы романтического мироощущения: в первой части заявлена тема поэта и толпы, во второй — любви, в третьей — свободы, в четвертой — тема поэта и власти, в пятой рисуется апокалиптическая картина конца света.

Отчуждение героя от внешнего мира приводит его к пограничному состоянию, когда реальность и иллюзия меняются местами. Ироническая интонация начинает звучать в заключительной строфе первой части, когда после призыва «когда-то проснется душа» появляется иронизм «проснулся», который представляет собой «стилистическую транспозицию от высокого к обыденному», в нем выражается ирония как «языковая мистификация, преднамеренное несоответствие буквального и подразумеваемого смысла слова»²¹. Но особенно обнажается ирония в третьей части, где происходит повтор слова «как будто». По мнению Н. Д. Арутюновой, маркировка слова «как будто» придает модальную неопределенность высказыванию и часто является признаком пародирования²²:

Уж утро! — но Боже мой, где я?
Заснул я как будто в тюрьме,
Проснулся как будто свободный, —
В своем ли я нынче уме?

В четвертую часть поэт вводит комический диалог царя и царицы, который травестирует тему романтического одиночества и безумства. В этом разговоре живо передаются интонация волеизъявления царя («Я лишу его наследства»),

²⁰ Котельников В. А. Указ. соч. С. 39.

²¹ *Ермакова О. П.* Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность.* М., 1999. С. 143—149.

²² *Арутюнова Н. Д.* *Язык и мир человека.* М., 1998. С. 848.

383

«Но... дозволим Мы за это, так и быть, — Нашей фрейлине с безумцем Одиночество делить») и жалостливая интонация царицы («Будет, бедненький, по царству Он скитаться, как поэт»). Фамильярно-разговорная речь вступает в противоречие с возвышенной поэтической лексикой и снижает ее. Вместе с тем лирический герой отстаивает свою веру в любовь и красоту, в его голосе звучит интонация противоречия:

Но ужель она, чьи очи
Светят раем, — так горда,
Что отвергнутого вами
Не полюбит никогда?..

Пятая часть стихотворения рисует картину похорон месяца-«мертвеца», после которых наступает «непроглядный мрак». Покой здесь показан как ужас небытия, из которого герой пытается выйти, обратившись к чувственному, телесному. Однако молчание женщины, которая отдается его ласкам, воспринимается им как прекращение жизни, деятельности, погружение в мир мертвых²³, а его душа требует диалога с душой, а не телом. Поэтому возникает неожиданный поворот сюжета:

Я помню, во сне, как безумец, Готов был ее укусить!!

Исчезновение женщины приводит к полному одиночеству, которое тут же обыгрывается:

...И тьму обнимал я, и тьма обнимала меня.

Пробуждение в финале стихотворения от страшного сна становится метафорой возрождения души, ее возвращения к людям, жизни: сердце взыграло, «как будто впервые увидело свет».

Стихотворение Полонского «Сны» перекликается с рассказом Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». В этих произведениях (а также в стихотворении Полонского «Плохой мертвец») показаны похороны и воскресение, что, по мнению М. Бахтина, соотносится с карнавальным смехом, который помогает герою умереть, чтобы обновиться²⁴. Залогом возрождения и преображения человека оказывается

²³ Толстая С. М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 10.

²⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 146—147.

384

сердце, которое сохраняет веру в идеал и способность к состраданию.

Движение к покою в лирике Я. П. Полонского — это не только смиренное молитвенное приятие благодати, но и противоборство самоутверждению, стремление к равновесию земного и небесного, возрождение целостности в духе, обретение Дома на земле.